

Научная статья

УДК 160.1

doi: 10.17223/1998863X/75/4

АНАЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В ФОРМАЛЬНОМ АСПЕКТЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Всеволод Адольфович Ладов¹, Яна Игоревна Чаплинская²

^{1,2} *Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия*

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *ladov@yandex.ru*

² *yana16071992@yandex.ru*

Аннотация. Представлены основные тезисы авторской эпистемологической концепции аналитического реализма. Рассматривается формальный аспект разработки данной концепции. Аналитический реализм в формальном аспекте, во-первых, критикует антиреалистские (скептические, релятивистские) эпистемологические проекты за их логическую непоследовательность и, во-вторых, обосновывает, что реалистская эпистемология с подобного рода затруднениями не сталкивается. Этот факт обеспечивает преимущество реализма перед антиреализмом с логической точки зрения. В статье показывается, как дискуссия о последовательности эпистемологических концепций может быть перенесена с чисто теоретического уровня на уровень обсуждения более конкретных вопросов практической социальной жизни. Тем самым демонстрируется практико-ориентированный потенциал аналитического реализма.

Ключевые слова: аналитический реализм, эпистемология, логика, скептицизм, релятивизм, следования правилу, самореферентность, социальность, теория, практика, Л. Витгенштейн, Р. Рорти

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

Для цитирования: Ладов В.А., Чаплинская Я.И. Аналитический реализм в формальном аспекте: теория и практика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 38–48. doi: 10.17223/1998863X/75/4

Original article

ANALYTICAL REALISM IN THE FORMAL ASPECT: THEORY AND PRACTICE

Vsevolod A. Ladov¹, Yana I. Chaplinskaya²

^{1,2} *Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk,
Russian Federation*

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *ladov@yandex.ru*

² *yana16071992@yandex.ru*

Abstract. The main theses of a new epistemological concept are presented in the article. This concept was named “analytical realism”. The authors analyze the formal aspect of analytical realism. First, analytical realism in the formal aspect criticizes anti-realistic (skeptical and

relativistic) epistemological projects for logical inconsistency. Second, analytical realism in the formal aspect substantiates that realistic epistemology does not confront with difficulties of this mode. This fact provides preference of realism over anti-realism from a logical point of view. The rule-following problem is thoroughly analyzed. The problem was presented in the philosophy of the late Wittgenstein and in writings of his interpreters, in particular, in works of Saul Kripke. The article explores the rule-following problem as the main radical version of epistemological skepticism in the tradition of analytic philosophy. The article demonstrates the inconsistency of the position of the late Wittgenstein in his investigation of meaning of linguistic expressions and asserts that the discussion about consistency of epistemological concepts may be transferred from a pure theoretical level on the level of more concrete questions of social life. Thereby, the article demonstrates the practical potential of analytical realism.

Keywords: analytical realism, epistemology, logic, skepticism, relativism, rule-following, self-reference, sociality, theory, practice, Ludwig Wittgenstein, Richard Rorty

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

For citation: Ladov, V.A. & Chaplinskaya, Ya.I. (2023) Analytical realism in the formal aspect: theory and practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 38–48. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/4

Формальный аспект аналитического реализма

Аналитический реализм в формальном аспекте обосновывает реалистские взгляды в эпистемологии посредством косвенной логической аргументации, не прямо подтверждая правоту реализма, а демонстрируя непоследовательность противоположной позиции – антиреализма. Делает это аналитический реализм при помощи классического аргумента *reductio ad absurdum*, который давно использовался для критики радикально скептических и релятивистских (т.е. антиреалистских) эпистемологических построений. Мы демонстрируем, что антиреалистскую позицию можно свести к абсурду, из чего следует признание правоты противоположной позиции – реализма. Таким образом, аналитический реализм в формальном аспекте использует определенную версию доказательства от противного, применяемого в математике, когда мы предполагаем истинным не-А, приходим к противоречию и тем самым утверждаем истинность обратного, т.е. А.

Аргумент *reductio ad absurdum* выстраивается на основе явления самореферентности, когда тезис той или иной теоретической позиции применяется по отношению к ней самой. Именно так, например, платоновский Сократ обосновывал абсурдность позиции радикального релятивизма в диалоге «Тезет» [1], заочно вступая в спор с Протагором. Если каждый есть мера своей мудрости, то почему же Протагор считает возможным учить этой мудрости всех остальных? Протагор считает свое собственное суждение абсолютно истинным, и в таком случае содержание этого суждения вступает в противоречие с его позиционированием.

Однако в XX в. в логике, в аналитической философии, в совершенно независимых от эпистемологии исследованиях по проблемам парадоксов в основаниях математики были получены результаты, которые имели существенное значение для построения эпистемологических концепций. Логическая теория типов Б. Рассела для решения проблемы парадоксов устанавливала полный запрет на явление самореферентности. Понятия, суждения, высказы-

вания, содержащие в себе ссылку на самое себя, признавались дефектными, некорректными с логической точки зрения. И в таком случае неправым оказывался уже не Протагор, а платоновский Сократ, вводя в эпистемологическую аргументацию в диалоге «Теэтет» некорректный логический прием. Раз так, то эпистемология на современном этапе ее развития уже не может быть прежней и продолжать использовать классический аргумент *reductio ad absurdum* для критики различных форм антиреализма. Именно на это, правда, лишь бегло, что называется «на полях», указал и сам Б. Рассел в “*Principia Mathematica*”, построив связь логики и эпистемологии: «...любой заслуживающий внимания скептицизм закрыт для приведенной выше формы опровержения (имеется в виду приведение скептицизма к противоречию через аргумент от самореферентности. – В.Л., Я.Ч.)» [2. С. 111]. Эпистемология обязана учесть результаты исследовательской работы в логике, как-то к ним отнестись, осмыслить, сформулировать критические аргументы. В противном случае современная эпистемология в контексте обсуждения проблем реализма и антиреализма рискует быть наивной с логической точки зрения, что и происходит с некоторыми современными эпистемологами. Например, Х. Сигэл [3], критикующий таких релятивистов, как Х. Браун [4] и Д. Миланд [5], продолжает использовать классический платоновский аргумент в опровержение релятивизма, основанный на явлении самореферентности. Это же делает в самые последние годы и известный отечественный эпистемолог В.Л. Лекторский, фиксируя парадоксальность релятивистской позиции в эпистемологии [6].

Вот почему аналитический реализм в формальном аспекте не только занимается критикой антиреалистских эпистемологических проектов, но и большое внимание уделяет чисто логической проблематике, связанной с исследованиями парадоксов. Является ли полный запрет на самореферентность, принятый в теории типов, релевантным ответом на проблему парадоксов? Не попадает ли сама теория типов в капкан парадоксов, которые она стремилась устранить? Именно эти вопросы являются ведущими для аналитического реализма при проведении логических исследований.

Концепция аналитического реализма опирается на идею о том, что теория типов Б. Рассела как способ решения проблемы парадоксов действительно может быть раскритикована по крайней мере в двух важнейших аспектах.

Во-первых, полный запрет на самореферентность можно расценить как слишком грубый методологический прием. Дело в том, что существует большое количество примеров самореферентных, но при этом непарадоксальных высказываний, понятий, суждений. Кроме того, при отказе от самореферентности мы теряем некоторые значимые достижения в области логики и математики [7]. Американский логик Ф. Фитч утверждает, что самореферентность должна быть существенной чертой самой философии [8]. Датский философ А. Бурдум указывает на то, что самореферентность, по сути, является основой таких важнейших феноменов для разумности в целом, как самосознание и рефлексия, которые характеризуют не только философскую деятельность, но и научную работу, социальную коммуникацию в ее многообразных проявлениях [9]. На то, что теория типов представила недостаточно продуманное решение проблемы парадоксов, установив полный запрет на самореферентность, указывали ранее мы сами [10, 11], на это обращается внимание и в самой современной логической литературе [12].

Во-вторых, теория типов оказывается не лишенной так называемых реванш-проблем, если воспользоваться терминологией Х. Филда [13]. Теория типов, стремясь к решению проблемы парадоксов, сама оказывается парадоксальной. Высказывание теории типов «Любое высказывание не является высказыванием обо всех высказываниях, но всегда относится только к частному логическому типу высказываний» (или к логическому порядку, если более точно пользоваться терминологией так называемой разветвленной теории типов) само по себе претендует на универсальность, отменяющую всякое ранжирование по логическим типам (порядкам). На это указывал Ф. Фитч еще в середине XX в. [8], на это же обращается внимание и в самых современных логических исследованиях. В частности, очень точно характеризует проблематичность теории типов в данном аспекте Г. Прист: «Как мы видим, тогда, пытаясь решить проблему, Расселу просто удастся воспроизвести ее. Поэтому его теория является не столько решением противоречия на пределе мысли, сколько его иллюстрацией» [12. С. 229].

На основании проведенных критических исследований в области логики аналитический реализм считает правомерным возвращение к аргументу *reductio ad absurdum*, основанному на явлении самореферентности, для критики антиреалистских эпистемологических проектов. При этом такая критика уже не будет выглядеть наивной с логической точки зрения. Она будет опираться на суждение о том, что теория типов оказалась в целом неудачным проектом решения проблемы логико-семантических парадоксов. Эта теория сама противоречива, а полный запрет на самореферентность оказывается нерелевантным сути проблемы.

Поздний Л. Витгенштейн, С. Крипке и проблема следования правилу

При помощи аргумента *reductio ad absurdum*, который основан на явлении самореферентности, мы критикуем антиреалистские эпистемологические проекты. Одной из самых известных и самых радикальных антиреалистских концепций внутри традиции аналитической философии была концепция «значение как употребление» позднего Л. Витгенштейна. В рамках этой концепции была сформулирована так называемая проблема следования правилу [14]. Американский логик С. Крипке вообще назвал проблему следования правилу самой радикальной скептической проблемой в истории философии: «Витгенштейн изобрел новую форму скептицизма. Лично я склонен рассматривать ее как наиболее радикальную и оригинальную скептическую проблему, с которой сталкивалась философия, проблему, которую смог бы сформулировать только очень необычный по складу ум» [15. С. 60].

Суть проблемы следования правилу может быть выражена в формулировках, которые представлены ниже. Основываясь на своем тезисе о значении слова как его употреблении в языке, поздний Витгенштейн утверждает, что в ситуации конкретного употребления слова мы не можем с полной определенностью утверждать, какому именно правилу употребления следуем. Употребление языкового выражения можно подвести сразу под два правила при условии, что в случае данного конкретного употребления эти два правила просто еще не обнаруживают себя как различные. Например, в «Заметках по основаниям математики» поздний Витгенштейн ставит следующий вопрос:

«Откуда я знаю, что при построении числового ряда +2 следует писать „20 004, 20 006“, а не „20 004, 20 008“?» [16. С. 4.]. Витгенштейн пытается сказать, что когда построение числового ряда было на стадии, скажем, 4, 6, 8, то его можно было бы подвести по крайней мере под два правила, которые в данной ситуации еще не отличаются друг от друга, а начинают себя проявлять как различные только на той стадии, когда вычисляющий впервые доходит до числа 20 004. Поскольку, как считает Витгенштейн, мы осваиваем правила употребления языковых выражений постепенно, в конечном опыте лингвистических практик, постольку проблема неопределенности следования правилам будет сохраняться в любом случае, ибо мы всегда сможем представить себе такую стадию употребления выражения, которая еще не охвачена нашим конечным опытом использования языка. Если значение языкового выражения трактуется как правило его употребления, а само правило оказывается неопределенным, то отсюда следует радикальный скептический тезис в области семантики языка о неопределенности значения. Поскольку в рамках традиции аналитической философии языковая деятельность трактуется как определяющая познавательную активность субъекта в целом, постольку радикальный скепсис в области семантики может быть распространен и на эпистемологию.

Единственным выходом из этого глобального эпистемологического коллапса, по мысли С. Крипке, является то, что он назвал скептическим решением проблемы следования правилу. Крипке утверждает, что, по Витгенштейну, «...мы достигаем уровня, где действуем без какой-либо причины, с точки зрения которой мы можем оправдать наше действие. Мы действуем решительно, но слепо» [15. С. 15]. Решительность же нам придает сообщество, согласие в правомерности нашего словоупотребления с другими участниками лингвистических практик, языковых игр. Мы решительны не потому, что знаем, какому правилу следуем, употребляя языковое выражение, а потому, что это употребление поддерживает наше лингвистическое сообщество. Данное решение проблемы следования правилу называется скептическим, поскольку оно не отрицает радикальный эпистемологический скептицизм, напротив, оно поддерживает его, но пытается переформулировать принципы функционирования языка таким образом, чтобы этот скепсис не выглядел пугающим, разрушающим основы нашего познания и жизнедеятельности.

Была ли философия позднего Л. Витгенштейна теорией значения?

Результаты работы в рамках формального аспекта аналитического реализма приводят к утверждению логической противоречивости философских взглядов позднего Л. Витгенштейна, однако чтобы это продемонстрировать, нужно представить его философию в качестве четкого теоретического построения, как это делал, например, тот же С. Крипке, излагая и проблему следования правилу, и ее скептическое решение. Но дело в том, что сам поздний Витгенштейн здесь не вполне однозначен, и поэтому данному вопросу стоит уделить отдельное внимание.

В своих Кембриджских лекциях 1930-х гг. Витгенштейн четко, без тени сомнения утверждает, что употребление слов в языке не подпадает под какие-то устойчивые, универсальные правила, значение слов определяется чисто контекстуально, в каждой конкретной языковой игре, в каждом конкрет-

ном лингвистическом сообществе, значение слов всегда релятивно контексту употребления, значение и есть употребление, а не определяет наперед употребление как нечто стабильно заданное: «...мы имели искушение думать, что можно вывести правило для употребления слова из его значения, которое мы предположительно схватываем как целое, когда произносим слово. Это ошибка, которую я бы вырвал с корнем» [17. Р. 51]. Мыслить значение как целое, на основе которого можно вывести правило для употребления слова, – это большая ошибка, непонимание сути функционирования языка, ее нужно непременно исправить, вырвать с корнем. Однако на страницах «Философских исследований» – главного труда позднего Витгенштейна – в параграфе 43 мы читаем: «Для большого класса случаев – хотя и не для всех, – в которых мы используем слово „значение“, его можно определить так: значение слова – это его употребление в языке» [14. С. 43]. Таким образом, в «Философских исследованиях» Витгенштейн как бы смягчает свою позицию, отказывается от универалистских претензий на позиционирование принципов работы языка в целом, не хочет представлять результаты своих размышлений как некоторую законченную теоретическую позицию.

Проблема в том, что если бы в качестве главного результата своего позднего творчества Витгенштейн представил лишь параграф 43 «Философских исследований», то он никогда не стал бы столь известен и обсуждаем, как это действительно случилось в истории аналитической философии второй половины XX в. Ценность работы мыслителя, философа состоит именно в попытке дать полный отчет о той или иной исследовательской области, в попытке представить стройную теоретическую конструкцию, имеющую притязания на универсальную значимость, истинность. В этом смысле мы солидарны с М. Даммитом, который говорит: «Я не мог бы отнестись с тем уважением к его работе (Имеются в виду исследования позднего Л. Витгенштейна. – В.Л., Я.Ч.), которое я имею, если бы я не рассматривал его аргументы и прозрения как основанные на истинности его убеждения» [18. Р. XI]. К философии позднего Витгенштейна можно отнестись как к серьезной концептуальной разработке только в том случае, если она притязает на то, чтобы описать универсальные принципы функционирования языка, и подавляющее число интерпретаторов позднего Витгенштейна именно так и воспринимают его творчество. Например, А. Бордум толкует параграф 43 «Философских исследований» как раз таким образом, делая акцент на универсальном, общем характере представления о значении как употреблении: «Прозрение, что языковые игры контекстуально ограничены формами жизни, выражено во фразе: „Значение слова есть его употребление в языке“» [9. Р. 43]. Бордум называет тезис о значении как употреблении инсайтом, прозрением в суть функционирования языка в целом. Только так поздний Витгенштейн получает широкую известность: он зафиксировал универсальный принцип работы естественного языка.

Критика философии позднего Л. Витгенштейна в формальном аспекте

Теперь, сделав это предварительное уточнение, позволяющее нам рассматривать философию позднего Витгенштейна именно как законченную теоретическую позицию, как концепцию, определяющим, универсальным тезисом которой является тезис «значение слова есть его употребление в язы-

ке», мы можем выстроить критическое отношение к ней. Опираясь на явление самореферентности, мы можем обратить тезис Витгенштейна против него самого. Таким образом, тезис Витгенштейна о значении как употреблении будет сведен к абсурду. В самом деле, если ни одно из слов языка не обладает стабильным значением, то это же относится и к словам, на которых сформулирован тезис об отсутствии строгих правил употребления, о релятивности значения. В таком случае тезис о том, что значение есть употребление либо сам становится релятивным и теряет свою теоретическую весомость, либо же в отношении слов, при помощи которых данный тезис сформулирован, нельзя сказать, что их значения релятивны, скорее, наоборот, они вполне строго определены, что и позволяет ясно выразить содержание концепции позднего Витгенштейна. Здесь мы можем снова вспомнить М. Даммита, чтобы склониться к выбору второго элемента представленной выше альтернативы. Даммит подчеркивает, что притязание на истинность есть важнейший элемент философского мышления [18. Р. XI]. Философ, который бы что-то утверждал и тут же отказывался от того, чтобы считать свое утверждение истинным, как это пытается делать доведенный до предела релятивизм, не мог бы заслужить уважения, его никто не воспринял бы всерьез. Поэтому мы склонны считать, что поздний Витгенштейн, во-первых, продуцирует теоретический тезис универалистского толка, охватывающий всю предметную область, в данном случае естественный язык, и во-вторых, претендует на истинность своего убеждения.

Если это так, то содержание тезиса позднего Витгенштейна о релятивности значения вступает в противоречие с его позиционированием в рамках теоретической концепции. Теоретическая концепция, где формулируется этот тезис, опровергает его самим своим существованием. Здесь мы наблюдаем явление, которое К. Кордиг – один из современных эпистемологов – назвал «самореферентной непоследовательностью» (self-referential inconsistency) [19].

Таким образом, аналитический реализм демонстрирует логическую несостоятельность того, что С. Крипке назвал скептическим решением проблемы следования правилу [15], которое опиралось на тезис о релятивности значения и проясняло функционирование языка на его основе.

Реализм и антиреализм

Стоит отметить, что позиция реализма, в отличие от позиции антиреализма, не сталкивается с противоречиями при применении к ней аргумента *reductio ad absurdum*, основанного на явлении самореферентности. Если в качестве реалистского тезиса в эпистемологии сформулировать положение, что любое высказывание в рамках ассерторического дискурса имеет претензию на то, чтобы быть истинным, то и само это метаэпистемологическое высказывание будет претендовать на истинность. Позиционирование метаэпистемологического высказывания реалистского типа находится в согласии с его собственным содержанием. Позиционирование данного высказывания только подтверждает истинность той теоретической установки, которая в нем содержится. Обозначим главное самореферентное высказывание (основной тезис) аналитического реализма в формальном аспекте через *r*. Тогда содержание *r* может быть представлено следующим образом:

$$r) \forall x (Sx \rightarrow Ix) \ \& \ (r \in x),$$

где *S* – быть высказыванием ассерторического дискурса, *I* – иметь претензию (намерение) быть истинным.

Для любого x , если x есть высказывание асерторического дискурса, то x претендует на то, чтобы быть истинным, причем само высказывание аналитического реализма в формальном аспекте также принадлежит x , т.е. является высказыванием асерторического дискурса и претендует на то, чтобы быть истинным.

А. Бордум в своей работе «Теория позитивной самореферентности» пишет: «Для меня важно в этом отношении то, что самореферентность может быть сконструирована таким образом, что референция к себе фактически иллюстрирует ее значение. Если негативная самореферентность противоречит значению высказывания, то позитивная самореферентность часто иллюстрирует значение предложения, создавая отношение, которое в итоге представляет собой самоподдержку, самоутверждение или самоиллюстрацию» [9. Р. 15]. То, о чем говорит здесь современный датский философ, это ровно то, на чем настаивает и аналитический реализм. Аналитический реализм в формальном аспекте не только утверждает противоречивость скептических и релятивистских концепций в эпистемологии, но и демонстрирует, что реалистские эпистемологические проекты не сталкиваются с противоречиями при применении к ним определенной проверочной методологии, а именно через использование аргумента *reductio ad absurdum*, основанного на явлении самореферентности. Реалистские эпистемологические проекты оказываются самореферентно консистентными, последовательными, если воспользоваться терминологией К. Кордига, которую мы уже привели выше, критикуя антиреализм [19].

Аналитический реализм: от теории к практике

По нашему мнению, важным достоинством концепции аналитического реализма является ее универсальность. Критические аргументы, разработанные в отношении скептических и релятивистских взглядов на чисто теоретическом уровне, могут быть использованы для критики конкретных проявлений антиреалистского мышления в практической жизни. Снова сошлемся здесь на А. Бордума; он говорит следующее: «Рефлексивность и фигура самореферентности пронизывают нашу жизнь как интеллектуально, так и практически» [9. Р. 3]. Таким образом, применение аргумента *reductio ad absurdum*, основанного на явлении самореферентности, оказывается актуальным не только в отношении чисто теоретических научно-философских проектов, но и в отношении дискуссий, которые касаются более практических вопросов общественной жизни.

Например, аналитический реализм указывает на противоречивость концепции мультикультурализма при обсуждении вопросов, связанных с анализом современной социальной реальности. Утверждая ценность и автономность любой человеческой культуры, несводимость частной культуры и ее этических принципов к некоей фундаментальной протокультуре, мультикультурализм в качестве абсолюта представляет саму релятивизацию культурных и этических ценностей. Мультикультурализм есть проявление эпистемологического релятивизма при обсуждении вопросов социальной реальности, следовательно, все затруднения релятивизма на чисто теоретическом уровне, которые мы отмечали выше, неминуемо транслируются и на обсуждение релятивистских позиций в отношении вопросов общественной жизни. Ориентация на абсолютное в мультикультурализме и этическом релятивизме оказывается осно-

вой самой возможности релятивизации точно так же, как и ориентация на абсолютное есть основа радикального релятивизма Протагора при обсуждении эпистемологических вопросов познания и истины.

Противоречивым оказывается и либерализм в качестве глобалистского социально-политического проекта. Либерализм утверждает ценности свободы мнения, слова, суждения. Однако сами эти ценности в глобалистском либеральном проекте утверждаются авторитарно. У этой позиции нет самореферентной консистенции, о которой мы уже не раз говорили выше. Напротив, мы наблюдаем здесь несоответствие содержания тезисов данной социально-политической концепции и способов ее позиционирования в современном мире. Это происходит потому, что содержание основных тезисов либерализма предполагает ориентацию на свободу, на релятивизм мнений и суждений, соответственно, все затруднения позиционирования релятивизма в качестве общей эпистемологической позиции автоматически транслируются и в эту сферу более практических вопросов, связанных с устройством социально-политической жизни.

С логико-эпистемологической точки зрения, ориентируясь исключительно на рациональную последовательность и непротиворечивость, аналитический реализм видит более консистентными консервативные социально-политические проекты. Консерватизм утверждает определенные общественные и этические ценности в качестве нерелятивно истинных, другие же считая ложными. Консерватизм как социально-политическая установка основывается на общих реалистских воззрениях в области эпистемологии, допуская признание определенных общественных и этических ценностей в качестве истинного устройства самой социальной реальности, а не только частного, релятивного мнения о ней. Это позволяет данной позиции в осмыслении вопросов практической жизни достичь уровня самореферентной консистенции. В самом деле, позиционирование данных идей противится релятивизации, подтверждая этим нерелятивный уровень их содержания. Как бы мы ни относились к консерватизму, какие бы недостатки ни усматривали в данной концепции об устройстве социально-политической жизни, стоит признать, что с чисто логико-эпистемологической точки зрения консерватизм действительно оказывается более последовательным, нежели социально-политические проекты релятивистского толка.

Данные суждения не представляют собой окончательную догматическую установку в отношении вопросов социально-политической жизни. Но подобного рода рефлексия должна заставить приверженцев социальной релятивизации обратить внимание на серьезные теоретические затруднения в позиционировании их концепций, указать на необходимость искать какие-то иные пути утверждения этих взглядов по сравнению с тем, как это делалось и делается до сих пор. Например, можно продемонстрировать, что в сеть противоречий попадает социально-политическая концепция Р. Рорти, на что указывают его критики, в частности Ж.Б. Элштейн, которая подчеркивает, что, связывая развитие западной демократии с минимизацией насилия и максимизацией сострадания, Рорти «контрабандой протаскивает» [20. Р. 143] в свою релятивистскую концепцию философский универсализм. Рорти утверждает в качестве абсолютных, не подлежащих релятивизации, некоторые общие признаки правильного социально-политического устройства общественной жизни.

Аналитический реализм не отрицает ценности и важности идей различных социально-политических проектов, однако авторы данных идей должны быть последовательны в их позиционировании с точки зрения логико-эпистемологической проблематики в целом.

Список источников

1. Платон Тэтет // Платон. Сочинения : в 4 т. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007. Т. 2. С. 229–327.
2. Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики : в 3 т. Самара : Самар. ун-т, 2005. Т. I.
3. Siegel H. Relativism, Truth and Incoherence // *Issues in Epistemology*. 1986. Vol. 68, № 2. P. 225–259.
4. Brown H. For a Modest Historicism // *The Monist*. 1977. Vol. 60. P. 540–555.
5. Meiland J. Is Protagorean Relativism Self-Refuting? // *Grazer Philosophische Studien*. 1979. Vol. 9. P. 51–59.
6. Лекторский В.А. Релятивизм и плюрализм в современной культуре // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В.А. Лекторский. М. : Канон+, 2015. С. 5–31.
7. Anderson A.P. St. Paul's Epistle to Titus // *The Paradox of the Liar*. New Haven and London, 1970. P. 1–11.
8. Fitch F. Self-Reference in Philosophy // *Mind*. 1946. Vol. 55, № 217. P. 64–73.
9. Bordum A. The Theory of Positive Self-reference. København : Department of Management, Politics and Philosophy, CBS. 2002.
10. Ладов В.А. Критический анализ иерархического подхода Рассела–Тарского к решению проблемы парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 11–24.
11. Ladov V. Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus and a Hierarchical Approach to Solving Logical Paradoxes // *Filosofija. Sociologija*. 2019. T. 30, № 1. P. 36–43.
12. Пруст Г. За пределами мысли / пер. с англ. В.В. Целищева. М. : Канон+, 2022.
13. Field H. A Revenge-Immune Solution to the Semantic Paradoxes // *Journal of Philosophical Logic*. 2003. № 32. P. 139–177.
14. Витгенштейн Л. Философские исследования. М. : АСТ, 2018.
15. Кримке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005.
16. Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. II, кн. I.
17. Wittgenstein's Lectures, Cambridge, 1932–35. Oxford : Basil Blackwell, 1979.
18. Dummett M. The Logical Basis of Metaphysics. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1991.
19. Kordig C. Self-Reference and Philosophy // *American Philosophical Quarterly*. 1983. Vol. 20, № 2. P. 207–216.
20. Elshain J.B. Don't Be Cruel: Reflections on Rortyan Liberalism // Richard Rorty / ed. by C. Guignon, D.R. Hiley. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.

References

1. Plato. (2007) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Collected Works in 4 vols]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 229–327.
2. Whitehead, A. & Russell, B. (2005) *Osnovaniya matematiki* [Principia Mathematica]. Vol. I. Translated from English by Y.N. Radaev, A.V. Ershov, R.A. Revinskiy, I.S. Frolov. Samara: Samara State University.
3. Siegel, H. (1986) Relativism, Truth and Incoherence. *Issues in Epistemology*. 68(2). pp. 225–259.
4. Brown, H. (1977) For a Modest Historicism. *The Monist*. 60. pp. 540–555.
5. Meiland, J. (1979) Is Protagorean Relativism Self-Refuting? *Grazer Philosophische Studien*. 9. pp. 51–59.
6. Lektorskiy, V.A. (2015) Relyativizm i plyuralizm v sovremennoy kul'ture [Relativism and pluralism in modern culture]. In: Lektorskiy, V.A. (ed.) *Relyativizm kak bolezni' sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow: Kanon+. pp. 5–31.
7. Anderson, A.P. (1970) St. Paul's Epistle to Titus. In: Martin, R.L. (ed.) *The Paradox of the Liar*. New Haven and London: Yale University Press. pp. 1–11.
8. Fitch, F. (1946) Self-Reference in Philosophy. *Mind*. 55(217). pp. 64–73.

9. Bordum, A. (2002) *The Theory of Positive Self-reference*. København: Department of Management, Politics and Philosophy, CBS.
10. Ladov, V.A. (2018) Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the paradox problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 11–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/2
11. Ladov, V.A. (2019) “Wittgenstein’s Tractatus Logico-Philosophicus and a Hierarchical Approach to Solving Logical Paradoxes.” *Filosofija. Sociologija*. 30(1). pp. 36–43. DOI: 10.6001/fil-soc.v30i1.3914
12. Priest, G. (2022) *Za predelami mysli* [Beyond the Limit of Thought]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+.
13. Field, H. (2003). A Revenge-Immune Solution to the Semantic Paradoxes. *Journal of Philosophical Logic*. 32. pp. 139–177. DOI: 10.1023/A:1023027808400
14. Wittgenstein, L. (2018) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Translated from German by L. Dobroselsky. Moscow: AST.
15. Kripke, S. (2005) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk State University.
16. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 2(1). Translated from German by M. Kozlova, Y. Aseev. Moscow: Gnozis.
17. Wittgenstein, L. (1979) *Wittgenstein’s Lectures. Cambridge, 1932–35*. Oxford: Basil Blackwell.
18. Dummett, M. (1991) *The Logical Basis of Metaphysics*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
19. Kordig, C. (1983) Self-Reference and Philosophy. *American Philosophical Quarterly*. 20(2). pp. 207–216.
20. Elstain, J.B. (2003) Don’t Be Cruel: Reflections on Rortyian Liberalism. In: Guignon, C. & Hiley, D.R. (eds) *Richard Rorty*. Cambridge: Cambridge University Press.

Сведения об авторе:

Ладов В.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ladov@yandex.ru

Чаплинская Я.И. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); доцент кафедры управления качеством Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: yana16071992@yandex.ru

Information about the authors:

Ladov V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); leading research fellow of the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); professor of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy of the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ladov@yandex.ru

Chaplinkskaya Ya.I. – Cand. Sci. (Philosophy), senior research fellow at the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); associate professor at the Department of Quality Management, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yana16071992@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.07.2023;
одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 10.07.2023;
approved after reviewing 12.09.2023; accepted for publication 07.10.2023